

Новый фильм Романа Балаяна мы ждали шесть лет. Как сказал о Балаяне кинокритик Даниил Дондурей: «Роман Гургенович — честный человек. Когда он не знает, о чем снимать, он не снимает». Сам Роман Гургенович называет свою новую картину «Ночь света» простой, доходчивой и непритязательной. История происходит в интернате для слепоглухонемых, но в ней нет документальных ужасов. Это, скорее, сказка о любви. О коротких и длинных чувствах. Что у человека может по-разному сложиться жизнь. Может быть сытой, благополучной, если человек живет для себя. А может иметь другой исход, когда человек жертвует карьерой, благополучием, своим «я» ради кого-то. По видимому, Роман Балаян постиг не всеми разделяемую мудрость, что все наши метания, недовольства, что мы не так красивы, не так успешны и не так богаты, как другие, — полнейшая ерунда. Балаян — фигура загадочная, парадоксальная. По виду — московский денди, друг Михалкова, Абдулова и Соловьевы, живет в Киеве, родился в Нагорном Карабахе, в селе, в горах. Есть в нем совсем удивительное качество — его любят все кинематографисты. Что в этой изъеденной ненавистью отрасли — полнейшая загадка. Развешать эту загадку может только разговор с Романом Балаяном. Армянином по происхождению, киевлянином по прописке, редким гостем в Москве.

— Никиту Сергеевича Михалкова как-то спросили: «С кем вы дружите?» Он ответил: «Я очень люблю Романа Балаяна, но он живет в Киеве». Потом помолчал и добавил: «Если бы он жил в Москве, может, у нас и не было бы такой дружбы». Наверное, он имел в виду, что Москва разрушает отношения. Не потому ли вы живете в таком отдалении от Москвы?

— В Москве мне нравится встречаться с друзьями, но жить я предпочитаю в Киеве. Киев — город для жизни, а Москва для работы. Если нескромно, то отвечаю так: если бы я был неизвестен, то, конечно, лучше жить в Москве. Чтобы тебя видели, привечали, не забывали. Но когда Чехов уехал в Ялту, его в Москве, что, не вспоминали? Если не востребован, можешь и в Москве жить и быть невостребованным.

— Слышала, что у вас дети не с вами живут?

— Сын живет во Франции, в Ницце. Он уехал в 91-м году. Тогда это имело смысл, сейчас это уже скучно. Я хочу его вернуть. Надо возвращаться, найти себя здесь. Дочка тоже жила там восемь месяцев, слезно умоляла ее забрать. Мы ее забрали. У нее сейчас свой маленький бизнес. Слава богу, ни к кино, ни к искусству они не имеют отношения.

— А почему все-таки родители так отталкивают детей от кино? Вы же живете в кино и не можете жить без него?

— Я по характеру все-таки горец. Для меня всегда было удивительно стоять в дверях начальства. Или когда сдаешь картину, начальство начинает на тебя дико смотреть и что-то говорить неприятное. Я всегда это жутко переживал. Мне всегда хотелось ударить или что-то резкое сказать. Я шел на это, потому что материально всегда нуждался, потому что всегда мало снимал и не для денег снимал. По мне этого никогда не было видно, поэтому этого никто не знал. И когда денег не было, и когда они появились. И когда снимал, и когда не снимал. Раньше я считал — вот сначала кино, а потом мама. А с 79-го года это чувство меня покинуло, и стало легче. Во мне пропал художнический эгоизм. Художник — это же жуткий центризм, эгоистичный эгоист. Весь в себе: он и зеркало. Это у меня давно исчезло. Я перестал думать, что кино — главное дело моей жизни. Может, поэтому у меня много друзей среди кинематографистов, не любящих друг друга.

— Я все время удивляюсь, как это вам удается дружить в нашей «дружной» киносреде?

— Для меня люди, с которыми я поработал и которых полюбил, застревают в жизни. И поскольку они знают, что это искренне, то и я считаю, что это взаимно. Я ничего не требую, ничего не прошу. А вот если бы я был типичный киношник — весь в себе, то недругов было бы больше.

— Что будет, если вас рассердить?

— Могу порвать отношения. Не бывать там, где этот человек бывает. Могу ударить. Позывы бывают. У меня

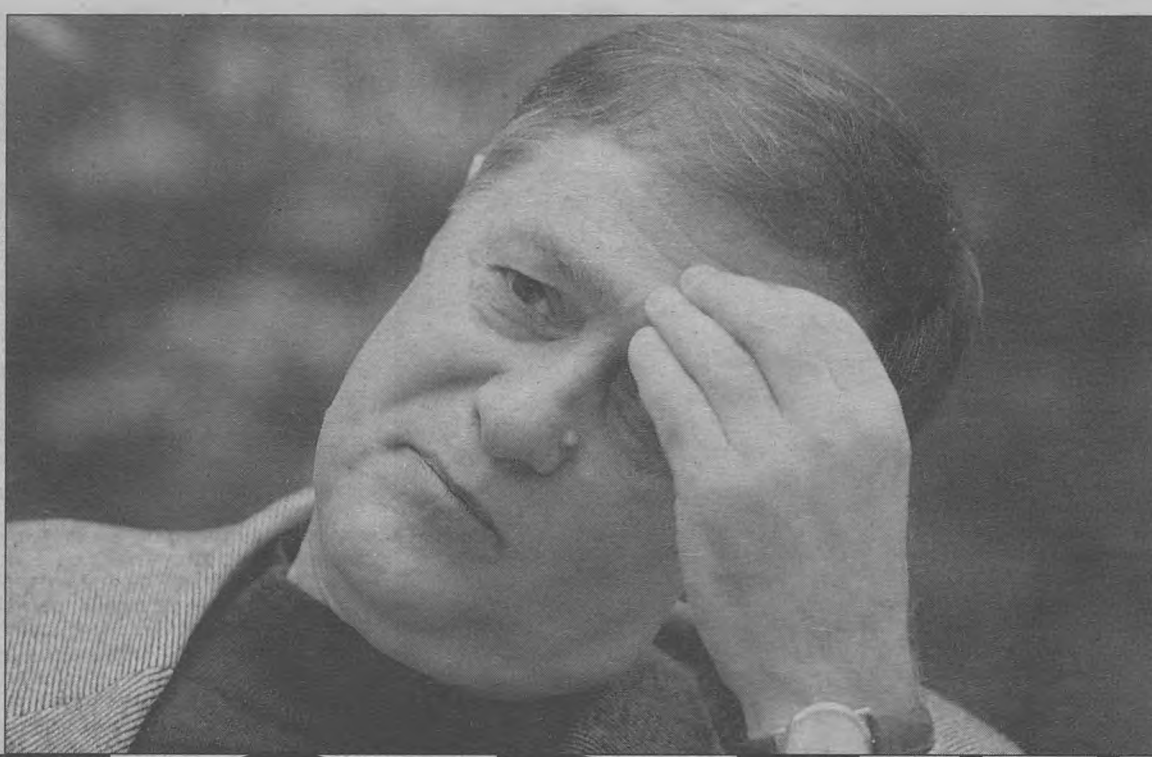

ФОТО ИГОРЯ ЗАХАРКИНА

ГОРЕЦ

НА ЭКРАНЫ ВЫХОДИТ НОВЫЙ ФИЛЬМ РОМАНА БАЛАЯНА «НОЧЬ СВЕТА»

характер такой. Если меня не знают, подумают, что я торгую чем-то. Вечно праздный. Не похоже, что занят делом. Я терпеть не могу этого — занятость делом. Моя слабость в режиссуре заключается в том, что я всегда работал левой рукой. Вот если бы я мог включить правую, то кем бы я стал?

— Правда, что вы просто из села?

— Конечно, я родился в селе, в горах. Село Неркин-Оратг, Мардакертский район Нагорно-Карабахской автономной области. Рос сиротой — отец погиб в первые же годы войны. Я его не помню, не видел. Мама вышла из-за меня замуж, мы переехали жить в Грозный. Я ни одного слова не знал по-русски.

— А вы вообще чувствительный человек, сентиментальный?

— Мне стыдно заплакать, поэтому я сопротивляюсь, но глаза мокреют. Я плакал только тогда, когда моя мама умерла, — навзрыд, отвернувшись к стене, у гроба, вместе с братом.

— Вашим лучшим фильмом считаются «Полеты во сне и наяву»? Это не просто фильм какого-то десятилетия. До сих пор, в принципе так живем. Откуда такое попадание в боль?

— Я просто пять с половиной лет жил такой жизнью. Я не имею в виду сюжет, но я был страшно недоволен. У меня около пяти сценариев не утверждали. Какая-то желчь поселилась. А поскольку я человек не желчный, мне надо было эту желчь из себя выпнать. Мне это не идет. Из-за того что мне не нравилась моя жизнь пять с половиной лет, придумалась эта история. Внутренний яд накопился — противопоставления тем, кто продолжает работать над тем, что я презираю. Для меня поход на работу и приход домой как обязательство — невыносимы.

— Интересно, кто ваша жена?

— Окончила музыкальное училище, преподавала фортепиано. Моя несчастная жена вышла за меня, когда ей было восемнадцать лет.

— Украинский язык выучили?

— Я не могу дать интервью на украинском языке, но в быту еще лучше говорю, чем они сами.

— Какой-нибудь иностранный язык знаете?

— Русский (засмеялся). Армянский, понимаю азербайджанский. Ну, естественно, украинский. По-немецки могу спросить, куда пройти.

— В Ниццу ездили к сыну?

— Довольно часто. Скучнейший город. Курортный город, курортное мышление.

— Вы такой спокойный человек. Наверное, любите поспать, полежать?

— Даже когда работал, то вставал, когда хотел. Начиная съемку, когда мне надо. Останавливал тоже, когда мне надо. В этом смысле мне повезло с оператором Пашей Лебешевым. Мы

одинаково равнодушны к кинематографу. Середина дня, солнечный день — надо солнце снимать, он говорит: «Надо снимать, солнце есть». Я говорю: «Ну ладно, Паш, скажем, что солнца не было». «Ну как это? Надо...» «Ну не буду я снимать, Паш!» «Ну не будешь и не будешь, я очень рад». И мы шли в ресторан, на шашлыки. Если ко мне приезжают на площадку, то я, в отличие от других режиссеров, тут же останавливаю съемку. Я радуюсь, что можно остановиться.

— Вы шесть последних лет не снимали, а что делали?

— У меня есть своя студия. Мы снимаем сериалы, которые я не смотрю. Зарабатываю достаточно, чтобы не снимать кино. Такое занятие, очень праздное. Мне ничего не надо делать. Я отвечаю за деньги, которые нам прислали, за то, чтобы все было в срок. И все это настолько легко и приятно, что никакого труда мне это не составляет.

— А ваше последнее кино как возникло, в какой момент?

— Я случайно прочел рассказ очень самобытного молодого автора. Я схватил его сразу. Меня ведь всегда тянуло к мистике, к тайнам жизни, той стороны Луны. Потом многие могут подтвердить, что я достаточно владею экстрасенсорными способностями. Если у человека зуб болит, я могу в течение минуты, приложив палец, убрать боль. Могу убрать остеохондрозную шейную невралгию. Я Паше Лебешеву однажды убрал. После чего он сказал: «Я сейчас пойду всем буду говорить, что ты гениальный режиссер». На что я ответил: «Ты дурак. Иди говори, что я идеальный экстрасенс». Паша пошел по «Мосфильму». Через полчаса я встречаю Вадика Абдраштова, он говорит: «А что ты с Пашей сделал? Он тут кричал: «Балаян гений!» Я говорю: «Ну, Балаян талантливый, но не гений же». На что Паша прокричал: «Да причем тут режиссер! Режиссер он говно, экстрасенс гениальный!».

Захочу — могу усыпить. Михалков был свидетель. Мы оба владеем этим. Есть фотография — Михалков держит руку на горле своего директора Рената Давлетьярова. Все думают, что он его душит, а я-то знаю, что он лечит. Плюс в работе с артистами, конечно, гипноз. Только это другой гипноз, не медицинский. А как артисты могут так слушаться? Они все самостоятельные, талантливые люди, а делают то, что ты хочешь. Я помню, когда Михалков снял «Неоконченную пьесу для механического пианино», в газетах все его артисты рассказывали, что он дает такую свободу, с ним так интересно. Я его спрашиваю: «Ты что, действительно такую свободу даешь?» «Ты что, Ром! Каждый крупный план под жутким гипнозом!»

— «Ночь света» тяжело было снимать?

— Там речь о том, что мне близко, — о сострадании ближним и далеким, которое должно в нас быть. О том, что надо отдавать, а не только брать. Я называю это «добровольным монашеством». Когда человек ради кого-то жертвует своей карьерой, благополучием, своим «я». Очень многие люди, может быть, талантливее, чем мы, объявленные такими, не состоялись, потому что слишком сердобольны. В них слишком много человеческого, и они не могут переступить через что-то. Не потому, что не талантливы, а потому, что в нем Человека много.

— Дома вы какой? Тиран или очень нежный?

— Я никогда такие вещи не показываю. Но, думаю, так, как я люблю, вряд ли кто-то любит.

— Брак один и на всю жизнь?

— Если есть дети, то как? Я же вырос сиротой, может, поэтому? У меня внука зовут Роман Балаян, ему пять лет. У меня вся надежда — все, что у меня не получилось, может, получится у него.

— А что, вы считаете, у вас не получилось?

— А я думал, что буду гораздо интереснее режиссер. В моем понимании этого не случилось. В каком-то году я понял: «А эти-то лучше, интереснее». Нельзя сказать, что это меня убило, поскольку я давно к кино равнодушен. Если скажут, что завтра я сниму гени-

альный фильм, но там надо будет обидеть одного человека, я не буду этого делать. Вот мое — это русские попойки, где я выступаю как классный устный режиссер. Мы когда-то с Ираклием Квирикадзе объявили себя режиссерами-акынами. Я рассказываю значительно интереснее, кладу всех. Но когда доходит до кинопроизводства, остается тридцать процентов, а так, за столом, никто не может мне глотку заткнуть. А если еще выпил...

— Что в вас осталось непреодолимо горского, а что вы со временем преодолели?

— Я очень спину ровно держу, как пастухи. И у меня на фотографиях всегда приподнят подбородок. В этом я горец. Прimitивен, как говорят. Слепых, типично горских чувств у меня нет, но есть вещи, где понятие цивилизованности мне отказывает.

— Вас вдохновляют последние достижения российского кинематографа?

— Есть тысячи тем, гораздо интереснее чем те, по которым сейчас снимаются десятки фильмов.

— Но есть фильм, на который вы запали?

— «Возвращение» Звягинцева мне ближе других. Самое интересное в этом фильме — образ отца. В этом жутком, очень опасном переходном мире отец научил этих мальчиков жить. Они будут более подготовленными к той жесткой жизни, которая сейчас вокруг. И отец нужен вообще для этого. Чтобы мальчик знал спину, тыл, мужское начало.

— Для вас осталось травмой, что вы выросли без отца?

— Конечно. Я был мальчик с грустнейшими глазами. Все меня гладили, любили, потому что отец первый погиб в нашем селе. Но зато так, как я ел сладко и много в детстве, у меня в жизни никогда больше не было. Все меня кормили, тайком совали за пазуху. Потом мама объезжала все деревни, принимала роды — она была доктором. То индюшку принесет, то еще что-то — во время войны ведь все рожали. Когда мама вышла замуж и мы переехали в Грозный, я увидел другую жизнь. Помню, родственники со стороны отчима, когда кормили меня и их сына, то мне синие картошки совали, а мне все белое. Я эту картошку в окно выкидывал. На этом я ощутил границу закончившегося детства, бездумного и счастливого, любимца этого маленького села, избалованнейшего ребенка, которому дают синюю картошку, а он-то думал, что заслуживает только самой лучшей. Я бы не возвратился в студенческое время. Не возвратился бы, когда снимал свой первый фильм. А вот когда я бегал по улицам и холмам этого села — вот оттуда я бы начал все по-новому. Я бы знал уже, куда двигаться, в какую профессию. Не в эту уж точно! Я был бы художником или композитором, или писателем.

— Но кино — это же все!

— Кино — это шестьдесят человек рядом, общежитие. А я не люблю коммунальные квартиры.

Беседу вела
Наталья РТИЩЕВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ БОЛЬШОЙ ТЕАТР РОССИИ

229 сезон

10 НОЯБРЯ

НОВАЯ СЦЕНА

КОНЦЕРТ

СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА БОЛЬШОГО ТЕАТРА РОССИИ

Солист - Николай ЛУГАНСКИЙ (фортепиано)

Дирижер - Александр ВЕДЕРНИКОВ

В программе произведения И. Брамса Симфония № 1

Концерт для фортепиано с оркестром № 2

Начало в 19.00

Александр ВЕДЕРНИКОВ

www.bolshoi.ru 250-7317